

Михаил Салтыков-Щедрин

ГЛАВНЫЕ КНИГИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Господа Головлевы

Безжалостно написанная хроника распада и гибели дворянской семьи.

*Одна из самых беспросветных книг — и в творчестве
Салтыкова-Щедрина, и в истории русской литературы.*

альпина
ПРОЗА

ПОЛКА

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин
Господа Головлевы
Серия «Главные книги русской
литературы (Альпина)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69397993
Господа Головлевы: Альпина Паблишер; Москва; 2023
ISBN 9785961489095

Аннотация

Безжалостно написанная хроника распада и гибели дворянской семьи. Одна из самых беспросветных книг – и в творчестве Салтыкова-Щедрина, и в истории русской литературы.

«Главные книги русской литературы» – совместная серия издательства «Альпина. Проза» и интернет-проекта «Полка». Произведения, которые в ней выходят, выбраны современными писателями, критиками, литературоведами, преподавателями. Это и попытка определить, как выглядит сегодня русский литературный канон, и новый взгляд на известные произведения: каждую книгу сопровождает предисловие авторов «Полки».

Содержание

Предисловие «Полки»	12
Господа Головлевы	42
Семейный суд	43
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Михаил Салтыков-Щедрин

Господа Головлевы

Текст печатается по изданию: Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20 томах. Т. 13. – М.: Художественная литература, 1972.

Главный редактор С. Турко

Руководитель проекта Е. Кунина

Корректоры М. Смирнова, Е. Аксенова

Компьютерная верстка М. Поташкин

Художник Ю. Буга

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Кириенков И., предисловие, 2022

© ООО «Альпина Паблицер», 2023

* * *

Михаил Салтыков-Щедрин

Господа Головлевы

Роман

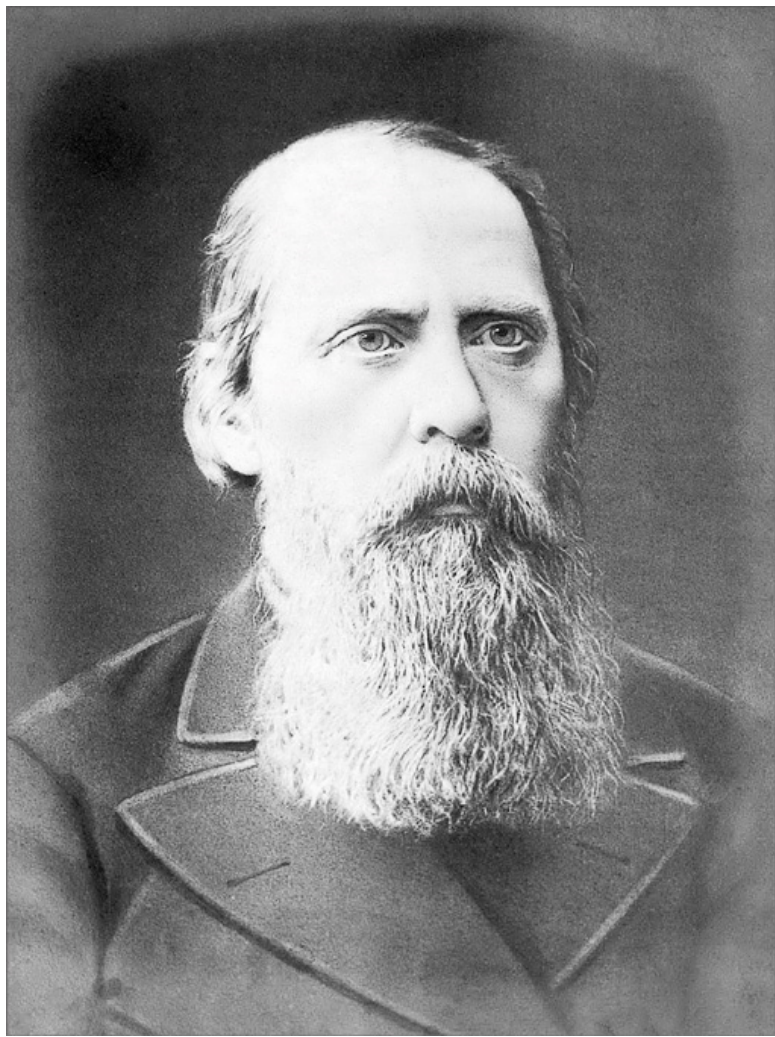
ПОЛКА

альпина

ПРОЗА

Москва, 2023

М. Е. Салтыков-Щедрин.
*Библиотека Конгресса*¹

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Библиотека Конгресса.

Предисловие «Полки»

Безжалостно написанная хроника распада и гибели дворянской семьи. Одна из самых беспросветных книг – и в творчестве Салтыкова-Щедрина, и в истории русской литературы.

Игорь Кириенков

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

История угасания и смерти зажиточного дворянского рода – в лице властной помещицы Арины Петровны Головлевой, ее мужа, детей и внуков. Роман о вырождении, одиночестве и насилии – прежде всего психологическом. Современники увидели в «Господах Головлевых» беспощадное описание России накануне и после отмены крепостного права; потомки могут прочитать книгу как пугающе точный текст о дисфункциональной семье, токсичных отношениях и депрессии.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Салтыков-Щедрин работал над «Головлевыми» с осени 1875-го до весны 1880 года. Впервые главные герои будущей книги появились в рассказе «Семейный суд», опубликованном в цикле сатирических очерков «Благонамеренные речи». Автор был не слишком доволен текстом – в письме Некрасову он сокрушался: «Кажется, что неуклюж и кропотливо сделан. Свободного, легкого творчества нет».

Высокая оценка, которую дали «Суду» критики и корреспонденты Салтыкова-Щедрина, если не изменила его мнения, то по крайней мере побудила писать дальше. В конеч-

ном счете рассказы о Головлевых совершенно отделились от «Речей» («...Нужно было бы печатать их под особой рубрикой: “Эпизоды из истории одного семейства”», – писал автор) и – после основательных правок и переделок – стали главами романа «Господа Головлевы».

КАК ОНА НАПИСАНА?

Салтыков-Щедрин называл «Господ Головлевых» «общественным романом». Это определение можно трактовать двояко. С одной стороны, оно предполагает внимание к актуальным социальным проблемам и обличение современного писателю общества: «На принцип семейственности написаны мною “Головлевы”», – объяснял Салтыков-Щедрин адвокату и публицисту Евгению Утину 2 января 1881 года. С другой – эта форма позволяет писателю соединить беллетристику и публицистику, напряженный сюжет и дидактические отступления, психологизм и проповедь.

На протяжении всего романа основное повествование перемежается авторскими замечаниями, наблюдениями и уточнениями. Регулярно нарушая герметичность рассказа, Салтыков-Щедрин снабжает текст обобщающими пассажами и тем самым указывает на типичность Головлевых – вспыльчивой и жестокой скопидомки Арины Петровны и ее детей: беспутного сына Степана, лицемера Порфирия, неспособного на поступки Павла и дочери Анны,

которая против воли матери обвенчалась с уланом, родила близняшек Анниньку и Любиньку, потратила полученный от Арины Петровны капитал и после исчезновения мужа скончалась. Все это позволяет читать книгу и как вариацию общественно-политического романа второй половины XIX века, и как своеобразную версию высокого реализма Тургенева, Гончарова и Толстого – только более трансгрессивную и жестокую по отношению к действующим лицам.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Отмена крепостного права в 1861 году – и формирование совершенно новых экономических и психологических отношений между дворянами и крестьянами. Полемика о кризисе семьи, которая развернулась в российской прессе и беллетристике в 1870-е годы – от статей в консервативном «Русском мире», устанавливающих прямую связь между «силой и крепостью семейного союза» и стабильностью государства, до «Анны Карениной», которая проблематизировала светский брак. Современная западная проза, посвященная той же теме: как раз в эти годы во Франции выходит много томная сага Эмиля Золя «Ругон – Маккары», а «Вестник Европы» публикует русский перевод его «Парижских писем», в которых писатель размышляет об экономическом расчете, лежащем в основании современной семьи. Более ранние произведения самого Салтыкова-Щедрина – в частности, за-

главная героиня очерка «Госпожа Падейкова» (1859), переживавшая, что после крестьянской реформы ее крепостная Феклуша «с барыней за одним столом будет сидеть», очень напоминает Арину Головлеву, которая в канун манифеста Александра II предается таким же размышлениям: «Как это я Агашку звать буду? чай, Агафьюшкой... а может, и Агафьей Федоровной величать придется!»

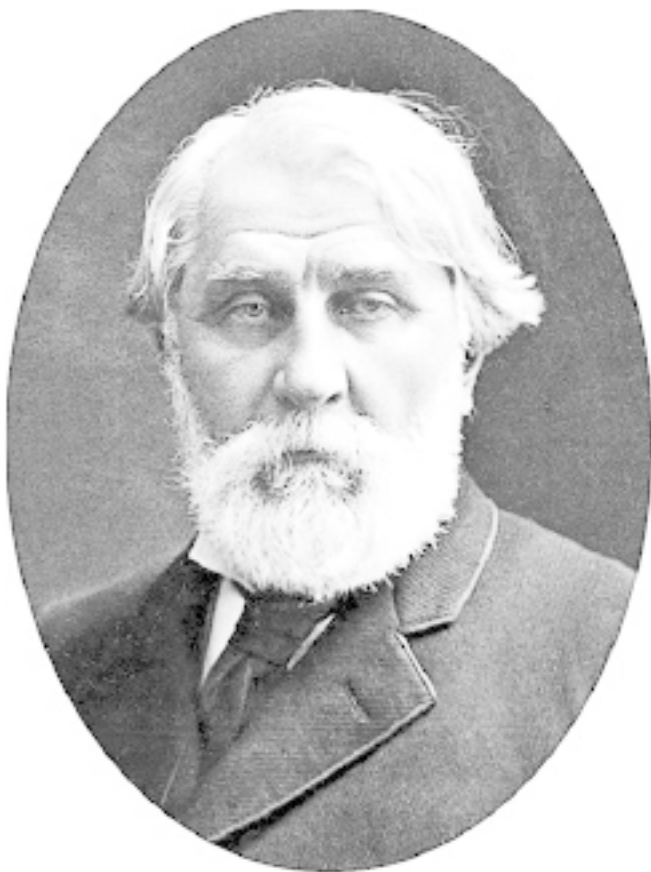
КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Большая часть рассказов, которые составили роман, была опубликована в «Отечественных записках» в 1875–1876 годах, развязка – «Решение» – в мае 1880-го в том же журнале. Готовя первое книжное издание, Салтыков-Щедрин значительно их переработал, изменил некоторые названия (рассказ «Перед выморочностью» стал главой «Племяннушка», «Семейные радости» – «Недозволенными семейными радостями», «Решение» – «Расчетом»), уточнил мелкие детали (сумму, которую растратил первый сын Порфирия Владимировича Петенька; имя его второго ребенка, Володеньки), но сохранил, по-видимому случайно, одну хронологическую несуразность (в тексте сказано, что 53-летний Порфирий Владимирович, который 10 лет назад вышел в отставку, провел «в тусклой атмосфере департамента» более 30 лет). Отдельной книгой «Головлевы» вышли в июле 1880 года в издательстве Александра Суворина. Через три года автор под-

готовил вторую редакцию романа – с небольшими изменениями в главе «По-родственному» и общей стилистической правкой; именно эту версию и воспроизводят все последующие издания «Головлевых».

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Салтыков-Щедрин стал получать восторженные отзывы сразу после выхода «Семейного суда». Тургенев особенно оценил образы Арины Петровны и Степана Владимировича и, вероятно, одним из первых натолкнул автора на мысль написать «крупный роман с группировкой характеров и событий, с руководящей мыслью и широким исполнением». Со-редактор Некрасова и Салтыкова-Щедрина по «Отечественным запискам» Григорий Елисеев тоже похвалил рассказ, но признался, что предпочитает «статьи, которые соприкасаются с вопросами и явлениями текущего времени». Критики «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Русского мира» увидели в истории Головлевых обращение к «временам покойного крепостного права» и вылазку «в область невозвратно прошедшего времени» и интерпретировали новую вещь Салтыкова-Щедрина как отказ работать с современными проблемами. На анахроничность сюжета для литературы середины 1870-х указывал и публицист-народник Александр Скабичевский: «Это бытовая повесть и, если хотите, историческая, потому что рисует нам нравы отжившего про-

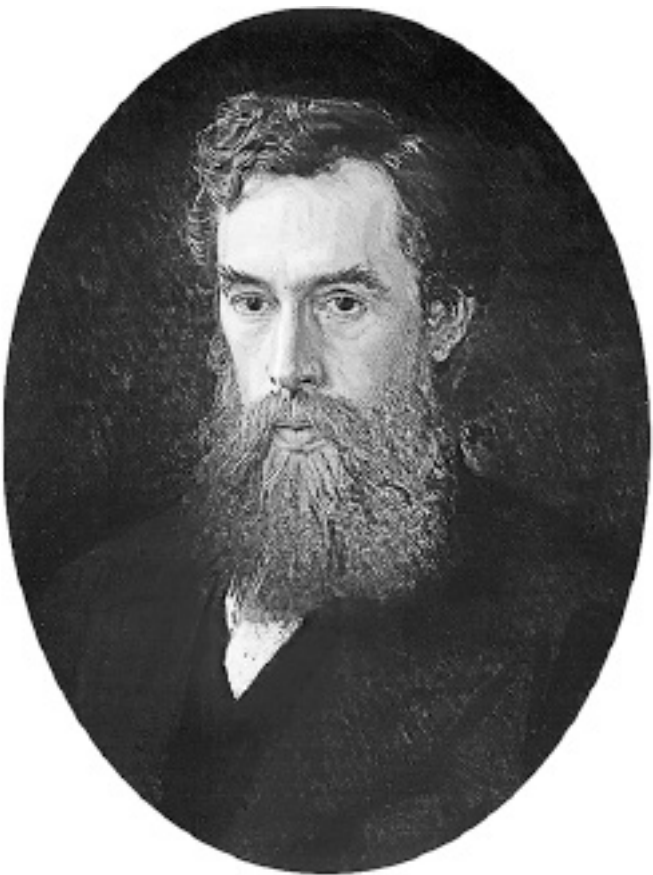
Иван Тургенев²

² Иван Тургенев. Нью-Йоркская публичная библиотека.

Иван Гончаров³

³ Иван Гончаров. Российская государственная библиотека.

Иван Крамской. Портрет П. М. Третьякова⁴

⁴ Иван Крамской. Портрет П. М. Третьякова. Государственная Третьяковская галерея.

Примечательно, что никто из рецензентов даже не сомневался в продолжении. Печатные отзывы на цикл о Головлевых выходили после каждого нового рассказа; автор продолжал получать письма от знакомых. Прочитав в сентябре 1876 года «Выморочного», поэт Алексей Жемчужников отметил в фигуре Порфирия Владимировича (или Иудушки, как прозвали его в семье) сочетание «почти смехотворного комизма с глубоким трагизмом». Гончаров, со своей стороны, предположил, что в конце концов этот персонаж «потеряет все нажитое, перейдет в курную избу и умрет на навозной куче». Тот же Скабичевский проводил параллели между Салтыковым-Щедриным и великими сатириками прошлого – Рабле, Мольером, Свифтом, Грибоедовым и Гоголем; другие авторы больше внимания уделяли героям и приветствовали появление Иудушки в галерее «вполне русских культурных типов» наравне с Ноздревым и Плюшкиным. Историю Головлевых читали не только литераторы, но и другие представители культурной элиты. Еще после публикации «Семейных итогов» 9 апреля 1876 года коллекционер Павел Третьяков написал художнику Ивану Крамскому о Салтыкове-Щедрине: «До настоящего времени я его считал только прекрасным сатириком и, даже замечая повторение одного и того же, некоторое время не все читал даже, теперь же после таких типов, как Иудушка и маменька, да и вообще – мастерского рассказа, я его ужасно высоко ставлю и вперед не пропущу ни одной статьи его».

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Осенью 1880 года – через несколько месяцев после выхода книжного издания «Головлевых» – Николай Куликов поставил по книге спектакль в частном московском театре Анны Бренко⁵. Роль Иудушки исполнил Василий Андреев-Бурлак – один из самых ярких русских актеров последней трети XIX века. С тех пор щедринский роман неоднократно инсценировали: можно вспомнить постановки Евгения Весника и Николая Александровича (Малый театр, 1978-й), Льва Додина (МХАТ, 1984-й) и Кирилла Серебренникова (МХТ им. Чехова, 2005-й) и телеспектакль Юрия Маляцкого (ЛенТВ, 1969-й).

«Головлевых» дважды экранизировали – в 1933 году (под названием «Иудушка Головлев», режиссер Александр Ивановский) и в 2010-м (постановщица Александра Ерофеева).

Михаил Салтыков-Щедрин продолжил писать сказки и сочинил еще два романа – «Убежище Монрепо» и «Пошехонская старина». Он умер в 1889 году и был похоронен

⁵ Анна Алексеевна Бренко (1848–1934) – русская и советская актриса, режиссер и драматург. В 1873 году дебютировала на сцене Малого театра. В 1880-м вместе с мужем Осипом Левенсоном открыла первый в Москве частный театр – Драматический театр А. А. Бренко в доме Малкииеля. В 1882 году Бренко и Левенсон закрыли театр из-за убытков.

на Волковском кладбище рядом с Тургеневым.

В 1914 году, к 25-летию со дня смерти писателя, в «Русском богатстве» была опубликована глава «У пристани» – финал истории Головлевых, который был написан на рубеже 1876/77-го и не устроил Салтыкова-Щедрина.

Влияние «Господ Головлевых» на русскую литературу можно проследить вплоть до последних десятилетий. Такие знаковые тексты, как «Детство Темы» Николая Гарина-Михайловского (1892), «Мелкий бес» Федора Сологуба (1905), «Уездное» Евгения Замятина (1912), «Детство» Максима Горького (1913), «Елтышевы» Романа Сенчина (2009), написаны с учетом романа Салтыкова-Щедрина. При всей непохожести друг на друга они выдержаны в мрачных тонах и развивают темы и мотивы «Головлевых»: распад старого быта, насилие в семье, утрата смысла жизни.

ЭТО ЦЕЛЬНЫЙ РОМАН ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ ОДНОЙ СЕМЬИ?

Структура «Господ Головлевых», в которой нет привычных глав или частей, а есть рассказы со своими собственными названиями, связана с особенностями написания и публикации книги. Выпуская «Семейный суд» и «По-родственному», автор еще не подозревал, что история Головлевых разрастется до размеров романа-хроники. Когда Салтыков-Щедрин решил соединить рассказы в единый текст, он

сохранил за каждым из них не только заглавие, но и что-то вроде ведущей темы – и главных героев. Так, например, «Семейный суд» главным образом посвящен Степану Владимировичу и его попыткам вернуться в семью Головлевых. «Недозволенные семейные радости» – история беременности и родов экономки Евпраксеюшки, любовницы Порфирия Владимировича. «Расчет» в значительной степени повествует о том, как сложилась судьба Анниньки и Любиньки. Такое устройство книги позволяет читателю следить за конкретными сюжетами и параллельно держать в уме историю целиком – роман кажется не столько дробным, сколько подробным.

Василий Максимов. Всё в прошлом. 1889 год⁶

НАСКОЛЬКО АВТОБИОГРАФИЧНЫ «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ»?

Близко знавший Салтыкова-Щедрина врач Николай Белоголовый писал, что по этой книге можно составить довольно убедительное представление об отношениях внутри «дикой

⁶ Василий Максимов. Всё в прошлом. 1889 год. Государственная Третьяковская галерея.

и нервной» семьи писателя. Как и у Головлёвых, в доме Салтыковых было принято деление на «постылых» детей и «любимчиков». Исследователи считают мать автора Ольгу Михайловну прямым прототипом Арины Петровны: властная, нетерпимая к непослушанию женщина, она вела дела примерно в том же стиле, что и героиня романа. В свою очередь, отец писателя Евграф Васильевич, по всей видимости, стал прообразом ни на что не влияющего Владимира Михайловича Головлёва, а его набожность и ханжество достались Порфирию Владимировичу.

Еще один прототип этого героя – брат автора Дмитрий Евграфович, «злой демон» и любитель кляуз, с которым он несколько лет вел тяжбу о наследстве. По воспоминаниям Авдотьи Панаевой, Салтыков-Щедрин называл брата Иудушкой ещё в 1863 году. 13 ноября 1875 года в несохранившемся письме юристу Алексею Унковскому Салтыков-Щедрин прямо признался, что вывел Дмитрия Евграфовича в образе лицемера Порфирия Владимировича. Щедринеды считают, что писатель также спародировал путаную, пустопорожнюю речь своего брата, когда сочинял тирады Иудушки.

ПОЧЕМУ ПОРФИРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА НАЗЫВАЮТ ИУДУШКОЙ?

«Иудушка», «кровопивушка» и «откровенный маль-

чик» – эти три прозвища еще в детстве дал Порфирию его старший брат Степан. Все дело в том, что с ранних лет он научился заискивать перед матерью и влиять на ее решения. Арина Петровна с подозрением относилась к своему среднему сыну: она подозревала, что за его наигранной кротостью и лаской может скрываться расчетливая натура, – и оказалась права.

Очень показательно, что героя называют именно Иудушкой: Порфирий – не антигерой Нового Завета, много столетий будораживший умы писателей и художников, а всего лишь мелкий «пакостник, лгун и пустослов». Уменьшительный суффикс в его имени – это не только признак его ничтожности, но и продолжение речевой манеры этого персонажа, напоминание о нестерпимо умильном тоне, который принят у Головлевых, где подают «поросеночка», просят «овсец» и ездят на «могилку».

Когда в первых отзывах на книгу Иудушку стали сравнивать с мольеровским Тартюфом, автор решил объяснить перед читателями – и поместил в рассказ «Семейный итог» размышление о том, чем французские лицемеры отличаются от русских. По словам автора, первые врут сознательно, рассчитывая извлечь из этого выгоду и поддерживая таким образом существующую модель общества. У русских нет никакой модели, которую они были бы готовы защищать, – и оттого их (и, в частности, Иудушкино) «беспредметное лганье способно возбудить доuku и омерзение».

ПОЧЕМУ В «ГОСПОДАХ ГОЛОВЛЕВЫХ» ТАК МНОГО МЕСТА УДЕЛЕНО РЕЛИГИИ?

На протяжении всего романа автор отмечает, как приторная набожность Головлевых сочетается с бесчеловечными поступками: религия, которая должна смирять гнев, становится чуть ли не обоснованием для жестокости. Арина Петровна отказывается пускать на порог сына и кормить его, утверждая: «И люди меня за это не осудят, и Бог не накажет». В свою очередь, Порфирий Владимирович ходит на все службы, постоянно цитирует Евангелие и не дает нуждающемуся сыну денег, напоминая, что «у Иова, мой друг, Бог и все взял, да он не роптал». Когда Евпраксеюшка мучительно рожает, Иудушка сначала отказывается прервать молитву, а после приказывает: «Пошлите за батюшкой, вместе помолитесь, лампадки у образов засветите... а после мы с батюшкой чайку попьем!»

Порфирий Владимирович уверен – окружив себя иконами и бездумно исполняя все обряды, он автоматически обрел небесных заступников: «А чего мне страшиться? видишь, сколько у меня благодати кругом?» Салтыков-Щедрин доходит до затаенных причин головлевской религиозности, не имеющих никакого отношения к вере и благочестию: Иудушка «молился не потому, что любил Бога и надеялся посредством молитвы войти в общение с Ним, а пото-

му, что боялся черта и надеялся, что Бог избавит его от лукавого». Эта ложь и разрушает героя: в финальной главе он оказывается в одиночестве. Понимание истинного смысла таинств и центрального христианского сюжета – «неслыханная неправда, совершившая кровавый суд над Истиной» – постигнет Порфирия Владимировича только на последней неделе жизни, когда будет уже слишком поздно.

КАК САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН СОЗДАЕТ ТАКУЮ БЕСПРОСВЕТНУЮ АТМОСФЕРУ?

«Господа Головлевы» особенно убедительны в том, что касается пограничных состояний человеческой психики: автор выпукло описывает одичание, утрату интереса к жизни и тягу к саморазрушению – и способен заразить этими настроениями читателя. Салтыков-Щедрин добивается этого несколькими способами. Прежде всего он часто употребляет слова «смерть», «гибель» и их производные: они встречаются в тексте по меньшей мере сто раз. Во-вторых, на близость смерти намекает сам вид поместья Головлевых (оно напоминает Степану Владимировичу гроб) и погода (в последней главе романа писатель сравнивает снежный покров с саваном – белым одеянием, которым накрывают покойников). В-третьих, в романе есть несколько пугающих галлюцинаций: «зловеще-лучезарная» бесконечная пустота, преследующая Степана Владимировича, рой теней, окружающий

Павла Владимировича, серые призраки головлевского рода, которых видит Порфирий Владимирович незадолго до финала. Наконец, особенно мощный эффект производит структура глав. Как правило, история разворачивается от конца к началу: самый яркий пример – «Расчет», в котором Аннинька сначала приезжает «умирать» к дяде в Головлево, а уже потом мы узнаём, почему она не смогла добиться успеха в театре. Читатель все время догоняет героев во времени и пространстве, попутно ловя себя на мысли о том, что их жизненный крах был неизбежен.

ЕСТЬ ЛИ В КНИГЕ СИМПАТИЧНЫЕ АВТОРУ ГЕРОИ?

«Господа Головлевы» – роман о дурной бесконечности насилия, в котором жертвы не могут оправиться от полученных в детстве психологических травм и постепенно опускаются – или сами становятся мучителями. Прослеживая судьбы детей и внуков Арины Головлевой, Салтыков-Щедрин отмечает их неспособность построить карьеру – будь то бюрократическая (Степан Владимирович) или актерская (дочери покойной Анны Владимировны Любинька и Аннинька, которые становятся содержанками вороватого земского деятеля Люлькина и нечистого на руку купца Кукишева). Писатель также отмечает их тягу к саморазрушению (Павел Владимирович) и бездушие по отношению к близким, вклю-

чая собственных детей (Порфирий Владимирович). Салтыков-Щедрин безжалостен и к бывшим крепостным: Улитушка (бывшая любовница Порфирия) и Евпраксеюшка (мать его ребенка) научились у Головлевых вести «войну придинок, поддразниваний, мелких уколов» и принялись изводить друг друга и хозяев.

Между тем в книге есть персонаж, которого авторское презрение как будто миновало. Это трактирщик Иван Михайлович, рассказавший бурмистру Арины Головлевой Антону Васильеву о том, что полиция продала московский дом ее сына Степана. Рассвирепевшая («А почему он меня вовремя не предупредил?») Арина Петровна отдает приказ забрать Ивана Михайловича в рекруты, но неизвестно – по крайней мере в рамках романа, – был ли он в конечном счете исполнен. Мы знаем лишь, что «сердобольный трактирщик» довез Степана Владимирыча до Головлева, «взявши для него место и уплачивая за его харчи в продолжение всей дороги», и расстался с героем и читателем на подъезде к усадьбе.

КАК НА ГЕРОЕВ РОМАНА ПОВЛИЯЛО КРЕПОСТНОЕ ПРАВО И ЕГО ОТМЕНА?

Характер героев книги сформировала «школа крепостного права». Головлевы – в первую очередь мать семейства – привыкли властвовать, приказывать, приговаривать к нака-

заниям. Уже подготовка к крестьянской реформе распяляет воображение Арины Петровны: «То представится: ходит она по пустому дому, а людишки в людскую забрались и жрут!» Она осознаёт, что у ее тирании больше не будет юридических оснований: «Как ты им что-нибудь скажешь! теперь они вольные, на них, поди, и суда нет!» Кроме того, обнаруживается, что без помощи прислуги Головлева не сможет себя обеспечить: «Ведь мы какое воспитание-то получили? Потанцевать да попеть да гостей принять – что я без поганок-то без своих делать буду? Ни я подать, ни принять, ни сготовить для себя – ничего ведь я, мой друг, не могу!» Когда после размолвки с Порфирием Арина Петровна селится в поместье своего сына Павла на правах приживалки, «не имеющей никакого голоса в хозяйственных распоряжениях», меняется сам ее облик: «Голова ее поникла, спина сгорбилась, глаза потухли, поступь сделалась вялою, порывистость движений пропала».

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, БЕЛЫЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявление всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнѣмъ.

Божіею Промыслиемъ и сподобившись закономъ престолонаследія быть приняты на прародительскій Всероссийскій Престолъ, въ святѣйшее себѣ призваніе **МЫ** возложили въ сердцахъ **СВОЕИХЪ** объѣтъ обличать **НАШИЮ** Царскую любовь и попеченіемъ всѣмъ **НАШИМЪ** вѣрноподданнѣмъ широкое знаніе и состояніе, отъ благодарно владѣющаго почести на зачету отечества до сиротно работающаго ремесленнаго орудія, отъ проходившаго частную службу Государственную до проводившаго на нашъ борозду соловья или пастуха.

Видя въ исполненіе знаній и состояній въ составъ Государства, **МЫ** усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣлательна благоустроена шире и средиіе ея, изредка ихъ обязанности, права и преимущества, не достигли разносторонней дѣятельности въ отношеніи къ людямъ принадлежать, такъ исполняемъ потому, что мы, частью старыми закономъ, частью объявляемъ, потому что мы утверждены подъ властію законодательства, на которыхъ съ тѣмъ нѣтъ лишній обязанности усмотрѣть ихъ благополучіе. Права вѣрноподданнѣмъ были дозволитъ обширны и не ограничены съ точностію закономъ, всѣмъ вѣрноподданнѣмъ преданіе, общій и добрый воли повѣрши. Въ лучшую случаемъ изъ сего

Манифест Александра II об отмене крепостного права. 1861 год⁷

Салтыков-Щедрин уверен: крепостные отношения росли не только господ. Рассказывая историю крестьянки Улитушки, которая стремилась выслужиться перед Головлевыми, писатель напирает на ее «холопское честолюбие»: «Всеми качествами полезной барской слуги обладала она в совершенстве: была ехидна, злоязычна и всегда готова на всякое предательство». А описывая Евпраксеюшку – экономку Порфирия, ставшую любовницей хозяина, – автор делает акцент на ее «неразвитой натуре» и «врожденной дряблости характера». Когда Евпраксеюшка поднимает бунт против Порфирия, отдавшего их сына Володеньку в воспитательный дом, Салтыков-Щедрин отмечает лишь «упорство тупоумия», стремление «досадить, изгадить жизнь». Протест героини сводится к тому, что она млеет «в чаду плотского вожделения», заглядываясь на конторщика Игната, кучера Архипушку и плотника Илюшу, – до тех пор, пока Порфирий это не пресекает.

⁷ Манифест Александра II об отмене крепостного права. 1861 год. Из открытых источников.

ЧЕМ ГОЛОВЛЕВО ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ПОМЕСТИЙ, КОТОРЫЕ ОПИСЫВАЛИ ДРУГИЕ КЛАССИКИ?

К моменту публикации «Головлевых» в русской литературе сложился канон описания поместий и усадеб. «Дворянские гнезда» у Тургенева «овеяны поэзией природы, высоких человеческих чувств, искусства». Гончаровская Обломовка – патриархальная идиллия, в которой размеренность и неторопливость сочетаются с тщательной продуманностью внутреннего распорядка. Толстовские герои-дворяне (в первую очередь Левин) мечтают слиться с народной жизнью и трудятся вместе с крестьянами. Так или иначе, все эти имения – своего рода архетипический дом, воплощающий гармонию семейных отношений и, шире, быта.

Салтыков-Щедрин решительно порывает с этой традицией. Принадлежащие Арине Петровне и ее детям поместья – Головлево, Дубровино, Погорелка – описаны в исключительно мрачных тонах. Это касается как внешнего вида («Барская усадьба смотрела из-за деревьев так мирно, словно в ней не происходило ничего особенного; но на него ее вид произвел действие медузиной головы»), так и царящей внутри атмосферы (любовница Порфирия Владимировича Евпраксеюшка боится, что ее зарежут, и не может заснуть по ночам: «Изо всех углов шепоты ползут!»). Головле-

вы на всем экономят: нелюбимых детей здесь кормят кислым молоком и «протухлой солониной»; совсем другая диета у любимчиков: «Вот кабы ты повел себя скромненько да ладненько, ел бы ты и говядинку и телятинку, а не то так и соусу бы приказал», – говорит Иудушка промотавшему свое состояние брату. Автор заключает: «Головлево – это сама смерть, злобная, пустоутробная... <...> ...все отравы, все язвы – все идет отсюда». Здесь герои впервые подвергаются вербальным и физическим унижениям – и сюда же приезжают умирать. Родовое поместье главных героев становится чем-то вроде замка в готической литературе – заколдованным местом, которое приносит его владельцам только несчастья, питается их жизненными силами и в конечном счете сводит в могилу.

В романе Салтыкова-Щедрина много комично-гротескных подробностей. Степан Владимирович носит неправдоподобно ветхую одежду: он приезжает в Головлево в «стоптанных, порыжелых и заплатаанных сапогах навывпуск», «совершенно затасканной серой ополченке, галуны с которой содраны и проданы на выпивку» и рубашке-«блошнице». Арина Петровна постоянно использует уменьшительные суффиксы: «Куплю себе домичек, огородец выкопаю; капустки, картофельцу – всего у меня довольно будет!» В минуты возбуждения Порфирий Владимирович буквально истекает слюнями: «В глаза ее бросилось ослабляющееся, слюнявое лицо Иудушки, все словно маслом подернутое, все проникнутое каким-то плотоядным внутренним сиянием». Однако Салтыков-Щедрин пишет не только в комедийном регистре: когда дело доходит до болезни и смерти, которая настигает всех без исключения Головлевых, голос автора становится абсолютно серьезным. Такова и кульминация, в которой умирающий от «специального головлевского отравления» Порфирий задается вопросами: «Зачем он один? зачем он видит кругом не только равнодушие, но и ненависть? отчего все, что ни прикасалось к нему, – все погибло?» Можно сказать, что роман существует в нескольких

⁸ Станислав Жуковский. Усадьба в зелени. 1906 год. Дагестанский музей изобразительных искусств имени П. С. Гамзатовой.

модусах – они меняются в зависимости от того, какую тему развивает писатель.

ЧТО ГУБИТ ГОЛОВЛЕВЫХ?

По ходу повествования читатель может самостоятельно составить представление о том, что привело героев к гибели. «Апатия властности», нелюбовь, жестокость, лицемерие – в книге нетрудно найти примеры, которые характеризуют эти и другие черты характера Головлевых. В последней главе романа «Расчет» автор берется рассуждать об этом лично – и приходит к довольно неожиданному выводу: всему виной «злополучный фатум».

Размышляя о том, что происходило в среде мелкопоместного дворянства до и после отмены крепостного права, писатель отмечает важность случая, счастливо сложившихся обстоятельств. Если в такой семье рождались «умницы» – способные и быстро схватывающие суть жизни дети, – у них появлялся шанс на перемену участи: хиреющий род мог превратиться в зажиточный. Зато те, кому не повезло, становились жертвами «не то невзгоды, не то порока»: поколение за поколением погрязали в праздности, неспособности к труду и пьянстве. Салтыков-Щедрин делает еще одно любопытное замечание: если бы не Арина Петровна, которая «довела уровень благосостояния семьи до высшей точки», Головлевы вымерли бы еще раньше; ее беда – в том, что она «не пе-

редала своих качеств никому из детей» и позволила опутать себя «пустословием, пустомыслием и пустоутробием».

Это не снимает с героев ответственности за их поступки – скорее автор намекает на то, что при определенных обстоятельствах судьба могла сложиться иначе. Так в романе, который в целом построен на строгих причинно-следственных связях, появляется элемент иррациональности, что еще раз подчеркивает его двойную генеалогию: «Господа Головлевы» наследуют традиции французского натурализма и русского реализма.

РАСКАИВАЕТСЯ ЛИ ИУДУШКА В ФИНАЛЕ РОМАНА?

В главе «Расчет» Аннинька и Порфирий Владимирович – последние оставшиеся в живых Головлевы – вспоминают «старые умертвия и увечия», которые причинили друг другу члены этой семьи. В этот момент Иудушка чувствует «пробуждение одичалой совести». Автор очень сдержанно, если не сказать холодно, описывает его душевный переворот. Салтыков-Щедрин указывает на болезненное состояние героя («Человек видит себя в каменном мешке, безжалостно отданным в жертву агонии раскаяния, именно одной агонии, без надежды на возврат к жизни») и, по сути, анонсирует его самоубийство («...Никакого иного средства утишить эту бесплодную разъедающую боль, кроме шанса вос-

пользоваться минутой мрачной решимости, чтобы разбить голову о камни мешка»). Как дидактик писатель бесконечно строг к своему персонажу: «Повторяю: совесть проснулась, но бесплодно». Как художник он не показывает прозревшего Иудушку ни жалким, ни смешным. В его последних репликах нет прежней «блудливой уклончивости и фамильярности»; он не сюсюкает, не лицемерит и, оказавшись на всенощной в конце Страстной недели, кажется, впервые задумывается о жертве, которую принес Христос. Автор решительно отвергает всякие параллели между Иисусом и Порфирием Владимировичем и в то же время пишет о том, что именно у «образа Искупителя в терновом венце» Иудушка искал поддержки в свои последние часы – перед тем как в одном халате выйти на улицу под ливни талого мартовского снега.

Господа Головлевы

**Господа
Головлевы**

Семейный суд

Однажды бурмистр из дальней вотчины, Антон Васильев, окончив барыне Арине Петровне Головлевой доклад о своей поездке в Москву для сбора оброков с проживающих по паспортам крестьян и уже получив от нее разрешение идти в людскую, вдруг как-то таинственно замялся на месте, словно бы за ним было еще какое-то слово и дело, о котором он и решался и не решался доложить.

Арина Петровна, которая насквозь понимала не только малейшие телодвижения, но и тайные помыслы своих приближенных людей, немедленно обеспокоилась.

- Что еще? – спросила она, смотря на бурмистра в упор.
- Все-с, – попробовал было отвитьнуть Антон Васильев.
- Не ври! еще есть! по глазам вижу!

Антон Васильев, однако ж, не решался ответить и продолжал переступать с ноги на ногу.

– Сказывай, какое еще дело за тобой есть? – решительным голосом прикрикнула на него Арина Петровна, – говори! не виляй хвостом... сумá переметная!

Арина Петровна любила давать прозвища людям, составившим ее административный и домашний персонал. Антона Васильева она прозвала «переметной сумбóй» не за то, чтоб он в самом деле был когда-нибудь замечен в предательстве, а за то, что был слаб на язык. Имя, в котором он

управлял, имело своим центром значительное торговое село, в котором было большое число трактиров. Антон Васильев любил попить чайку в трактире, похвастаться всемогуществом своей барыни и во время этого хвастовства незаметным образом провирался. А так как у Арины Петровны постоянно были в ходу различные тяжбы, то частенько случалось, что болтливость доверенного человека выводила наружу барынины военные хитрости прежде, нежели они могли быть приведены в исполнение.

– Есть, действительно... – пробормотал наконец Антон Васильев.

– Что? что такое? – взволновалась Арина Петровна.

Как женщина властная и притом в сильной степени одаренная творчеством, она в одну минуту нарисовала себе картину всевозможных противоречий и противодействий и сразу так усвоила себе эту мысль, что даже побледнела и вскочила с кресла.

– Степан Владимырьч дом-то в Москве продали... – доложил бурмистр с расстановкой.

– Ну?

– Продали-с.

– Почему? как? не мни! сказывай!

– За долги... так нужно полагать! Известно, за хорошие дела продавать не станут.

– Стало быть, полиция продала? суд?

– Стало быть, что так. Сказывают, в восьми тысячах с аук-

циона дом-то пошел.

Арина Петровна грузно опустилась в кресло и уставилась глазами в окно. В первые минуты известие это, по-видимому, отняло у нее сознание. Если б ей сказали, что Степан Владимырьч кого-нибудь убил, что головлевские мужики взбунтовались и отказываются идти на барщину или что крепостное право рушилось, – и тут она не была бы до такой степени поражена. Губы ее шевелились, глаза смотрели куда-то вдаль, но ничего не видели. Она не заметила даже, что в это самое время девчонка Дуняшка ринулась было с разбега мимо окна, закрывая что-то передником, и вдруг, увидев барыню, на мгновение закружилась на одном месте и тихим шагом поворотила назад (в другое время этот поступок вызвал бы целое следствие). Наконец она, однако, опаматовалась и произнесла:

– Какова потеха!

После чего опять последовало несколько минут грозowego молчания.

– Так ты говоришь, полиция за восемь тысяч дом-то продала? – переспросила она.

– Так точно.

– Это – родительское-то благословение! Хорош... мерзавец!

Арина Петровна чувствовала, что, ввиду полученного известия, ей необходимо принять немедленное решение, но ничего придумать не могла, потому что мысли ее пута-

лись в совершенно противоположных направлениях. С одной стороны, думалось: «Полиция продала! ведь не в одну же минуту она продала! чай, опись была, оценка, вызовы к торгам? Продала за восемь тысяч, тогда как она за этот самый дом, два года тому назад, собственными руками двенадцать тысяч, как одну копейку, выложила! Кабы знать да ведать, можно бы и самой за восемь-то тысяч с аукциона приобрести!» С другой стороны, приходило на мысль и то: «Полиция за восемь тысяч продала! Это – родительское-то благословение! Мерзавец! за восемь тысяч родительское благословение спустил!»

– От кого слышал? – спросила наконец она, окончательно остановившись на мысли, что дом уже продан и что, следовательно, надежда приобрести его за дешевую цену утрачена для нее навсегда.

– Иван Михайлов, трактирщик, сказывал.

– А почему он вовремя меня не предупредил?

– Поопасился, стало быть.

– Поопасился! вот я ему покажу: «поопасился»! Вызвать его из Москвы, и как явится – сейчас же в рекрутское присутствие и лоб забрить! «Поопасился»!

Хотя крепостное право было уже на исходе, но еще существовало. Не раз случалось Антону Васильеву выслушивать от барыни самые своеобразные приказания, но настоящее ее решение было до того неожиданно, что даже и ему сделалось не совсем ловко. Прозвище «сумá переметная» неволь-

но ему при этом вспомнилось. Иван Михайлов был мужик обстоятельный, об котором и в голову не могло прийти, чтобы над ним могла стрястись какая-нибудь беда. Сверх того, это был его приятель душевный и кум – и вдруг его в солдаты, ради того только, что он, Антон Васильев, как сумá переметная, не сумел язык за зубами попридержать!

– Простите... Ивана-то Михайлыча! – заступился было он.

– Ступай... потатчик! – прикрикнула на него Арина Петровна, но таким голосом, что он и не подумал упорствовать в дальнейшей защите Ивана Михайлова.

Но прежде, нежели продолжать мой рассказ, я попрошу читателя поближе познакомиться с Ариной Петровной Головлевой и семейным ее положением.

* * *

Арина Петровна – женщина лет шестидесяти, но еще бодрая и привыкшая жить на всей своей воле. Держит она себя грозно; единолично и бесконтрольно управляет обширным головлевским имением, живет уединенно, расчетливо, почти скупно, с соседями дружбы не водит, местным властям доброхотствует, а от детей требует, чтоб они были в таком у нее послушании, чтобы при каждом поступке спрашивали себя: что-то об этом маменька скажет? Вообще имеет характер самостоятельный, непреклонный и отчасти стропти-

вый, чему, впрочем, немало способствует и то, что во всем Головлевском семействе нет ни одного человека, со стороны которого она могла бы встретить себе противодействие. Муж у нее – человек легкомысленный и пьяненький (Арина Петровна охотно говорит об себе, что она – ни вдова, ни мужняя жена); дети частью служат в Петербурге, частью – пошли в отца и, в качестве «постылых», не допускаются ни до каких семейных дел. При этих условиях Арина Петровна рано почувствовала себя одинокою, так что, говоря по правде, даже от семейной жизни совсем отвыкла, хотя слово «семья» не сходит с ее языка и, по наружности, всеми ее действиями исключительно руководят непрестанные заботы об устройстве семейных дел.

Глава семейства, Владимир Михайлыч Головлев, еще смолоду был известен своим безалаберным и озорным характером, и для Арины Петровны, всегда отличавшейся серьезностью и деловитостью, никогда ничего симпатичного не представлял. Он вел жизнь праздную и бездельную, чаще всего запирался у себя в кабинете, подражал пению скворцов, петухов и т. д. и занимался сочинением так называемых «вольных стихов». В минуты откровенных излияний он хвастался тем, что был другом Баркова и что последний будто бы даже благословил его на одре смерти. Арина Петровна сразу не залюбила стихов своего мужа, называла их паскудством и паясничаньем, а так как Владимир Михайлыч собственно для того и женился, чтобы иметь всегда под рукой слушате-

ля для своих стихов, то понятно, что размолвки не заставили долго ждать себя. Постепенно разрастаясь и ожесточаясь, размолвки эти кончились, со стороны жены, полным и презрительным равнодушием к мужу-шуту, со стороны мужа – искреннюю ненавистью к жене, ненавистью, в которую, однако ж, входила значительная доля трусости. Муж называл жену «ведьмою» и «чертом», жена называла мужа – «ветряною мельницей» и «бесструнной балалайкой». Находясь в таких отношениях, они пользовались совместною жизнью в продолжение с лишком сорока лет, и никогда ни тому, ни другой не приходило в голову, чтобы подобная жизнь заключала в себе что-либо противоестественное. С течением времени озорливость Владимира Михайлыча не только не уменьшилась, но даже приобрела еще более злостный характер. Независимо от стихотворных упражнений в барковском духе, он начал попивать и охотно подкарауливал в коридоре горничных девок. Сначала Арина Петровна отнеслась к этому новому занятию своего мужа брезгливо и даже с волнением (в котором, однако ж, больше играла роль привычка властности, нежели прямая ревность), но потом махнула рукой и наблюдала только за тем, чтоб девки-поганки не носили барину ерофеича. С тех пор, сказавши себе раз навсегда, что муж ей не товарищ, она все внимание свое устремила исключительно на один предмет: на округление головлевского имения, и действительно, в течение сорокалетней супружеской жизни, успела удесятерить свое состояние. С изумительным тер-

пением и зоркостью подкарауливала она дальние и ближние деревни, разузнавала по секрету об отношениях их владельцев к опекунскому совету и всегда, как снег на голову, являлась на аукционах. В круговороте этой фанатической погоны за благоприобретением Владимир Михайлыч все дальше и дальше уходил на задний план, а наконец и совсем одичал. В минуту, когда начинается этот рассказ, это был уже дряхлый старик, который почти не оставлял постели, а ежели изредка и выходил из спальни, то единственно для того, чтоб просунуть голову в полурастворенную дверь жениной комнаты, крикнуть: «Черт!» – и опять скрыться.

Немного более счастлива была Арина Петровна и в детях. У нее была слишком независимая, так сказать, холостая натура, чтобы она могла видеть в детях что-нибудь, кроме лишней обузы. Она только тогда дышала свободно, когда была одна со своими счетами и хозяйственными предприятиями, когда никто не мешал ее деловым разговорам с бурмистрами, старостами, ключницами и т. д. В ее глазах дети были одною из тех фаталистических жизненных обстановок, против совокупности которых она не считала себя вправе протестовать, но которые тем не менее не затрогивали ни одной струны ее внутреннего существа, всецело отдавшегося бесчисленным подробностям жизнестроительства. Детей было четверо: три сына и дочь. О старшем сыне и об дочери она даже говорить не любила; к младшему сыну была более или менее равнодушна и только среднего, Порфишу, не то чтоб люби-

ла, а словно побаивалась.

Степан Владимирыч, старший сын, об котором преимущественно идет речь в настоящем рассказе, слыл в семействе под именем Степки-балбеса и Степки-озорника. Он очень рано попал в число «постылых» и с детских лет играл в доме роль не то парии, не то шута. К несчастью, это был даровитый малый, слишком охотно и быстро воспринимавший впечатления, которые вырабатывала окружающая среда. От отца он перенял неистощимую проказливость, от матери – способность быстро угадывать слабые стороны людей. Благодаря первому качеству, он скоро сделался любимцем отца, что еще больше усилило нелюбовь к нему матери. Часто, во время отлучек Арины Петровны по хозяйству, отец и подросток-сын удалялись в кабинет, украшенный портретом Баркова, читали стихи вольного содержания и судачили, причем в особенности доставалось «ведьме», то есть Арине Петровне. Но «ведьма» словно чутьем угадывала их занятия; неслышно подъезжала она к крыльцу, подходила на цыпочках к кабинетной двери и подслушивала веселые речи. Затем следовало немедленное и жестокое избиение Степки-балбеса. Но Степка не унимался; он был нечувствителен ни к побоям, ни к увещаниям и через полчаса опять принимался куролесить. То косынку у девки Анютки изрежет в куски, то сонной Васютке мух в рот напустит, то заберется на кухню и стянет там пирог (Арина Петровна, из экономии, держала детей впроголодь), который, впрочем, тут же разделит с бра-

тьями.

– Убить тебя надо! – постоянно твердила ему Арина Петровна, – убью – и не отвечу! И царь меня не накажет за это!

Такое постоянное принижение, встречая почву мягкую, легко забывающую, не прошло даром. Оно имело в результате не озлобление, не протест, а образовало характер рабский, повадливый до буффонства, не знающий чувства меры и лишенный всякой предусмотрительности. Такие личности охотно поддаются всякому влиянию и могут сделаться чем угодно: пропойцами, попрошайками, шутами и даже преступниками.

Двадцати лет, Степан Головлев кончил курс в одной из московских гимназий и поступил в университет. Но студенчество его было горькое. Во-первых, мать давала ему денег ровно столько, сколько требовалось, чтоб не пропасть с голода; во-вторых, в нем не оказывалось ни малейшего позыва к труду, а взамен того гнездилась проклятая талантливость, выразившаяся преимущественно в способности к передразниванию; в-третьих, он постоянно страдал потребностью общества и ни на минуту не мог оставаться наедине с самим собой. Поэтому он остановился на легкой роли приживальщика и *rique-assiette*⁹ и, благодаря своей податливости на всякую штуку, скоро сделался фаворитом богатеньких студентов. Но богатенькие, допуская его в свою среду, все-таки разумели, что он им не пара, что он только шут,

⁹ нахлебника (*фр.*).

и в этом именно смысле установилась его репутация. Ставши однажды на эту почву, он естественно тяготел все ниже и ниже, так что к концу 4-го курса вышутился окончательно. Тем не меньше, благодаря способности быстро схватывать и запоминать слышанное, он выдержал экзамен с успехом и получил степень кандидата.

Когда он явился к матери с дипломом, Арина Петровна только пожала плечами и промолвила: дивлюсь! Затем, продержав с месяц в деревне, отправила его в Петербург, назначив на прожиток по сту рублей ассигнациями в месяц. Начались скитания по департаментам и канцеляриям. Протекций у него не было, охоты пробить дорогу личным трудом – никакой. Праздная мысль молодого человека до того отвыкла сосредоточиваться, что даже бюрократические испытания, вроде докладных записок и экстрактов из дел, оказывались для нее непосильными. Четыре года бился Головлев в Петербурге и наконец должен был сказать себе, что надежда устроиться когда-нибудь выше канцелярского чиновника для него не существует. В ответ на его сетования Арина Петровна написала грозное письмо, начинавшееся словами: «я заранее в сем была уверена» и кончавшееся приказанием явиться в Москву. Там, в совете излюбленных крестьян, было решено определить Степку-балбеса в надворный суд, поручив его надзору подьячего, который исстари ходатайствовал по головлевским делам. Что делал и как вел себя Степан Владимыч в надворном суде – неизвестно, но через три года его

уж там не было. Тогда Арина Петровна решилась на крайнюю меру: она «выбросила сыну кусок», который, впрочем, в то же время должен был изображать собою и «родительское благословение». Кусок этот состоял из дома в Москве, за который Арина Петровна заплатила двенадцать тысяч рублей.

В первый раз в жизни Степан Головлев вздохнул свободно. Дом обещал давать тысячу рублей серебром дохода, и сравнительно с прежним эта сумма представлялась ему чем-то вроде заправского благосостояния. Он с увлечением поцеловал у маменьки ручку («то-то же, смотри у меня, балбес! не жди больше ничего!») – молвила при этом Арина Петровна) и обещал оправдать оказанную ему милость. Но, увы! он так мало привык обращаться с деньгами, так нелепо понимал размеры действительной жизни, что сказочной годово́й тысячи рублей достало очень ненадолго. В какие-нибудь четыре-пять лет он прогорел окончательно и был рад-радехонек поступить, в качестве заместителя, в ополчение, которое в это время формировалось. Ополчение, впрочем, дошло только до Харькова, как был заключен мир, и Головлев опять вернулся в Москву. Его дом был уже в это время продан. На нем был ополченский мундир, довольно, однако ж, потертый, на ногах – сапоги навыпуск и в кармане – сто рублей денег. С этим капиталом он поднялся было на спекуляцию, то есть стал играть в карты, и невдолге проиграл всё. Тогда он принялся ходить по зажиточным крестьянам матери, жившим в Москве своим хозяйством; у кого обедал, у ко-

го выпрашивал четвертку табаку, у кого по мелочи занимал. Но, наконец, наступила минута, когда он, так сказать, очутился лицом к лицу с глухой стеной. Ему было уже под сорок, и он вынужден был сознаться, что дальнейшее бродячее существование для него не по силам. Оставался один путь – в Головлево.

После Степана Владимирыча, старшим членом головлевского семейства была дочь, Анна Владимировна, о которой Арина Петровна тоже не любила говорить.

Дело в том, что на Аннушку Арина Петровна имела виды, а Аннушка не только не оправдала ее надежд, но вместо того на весь уезд учинила скандал. Когда дочь вышла из института, Арина Петровна поселила ее в деревне, в чаянье сделать из нее дарового домашнего секретаря и бухгалтера, а вместо того Аннушка, в одну прекрасную ночь, бежала из Головлева с корнетом Улановым и повенчалась с ним.

– Так, без родительского благословения, как собаки, и повенчались! – сетовала по этому случаю Арина Петровна. – Да хорошо еще, что кругом наляя-то муженек обвел! Другой бы попользовался – да и был таков! Ищи его потом да свищи!

И с дочерью Арина Петровна поступила столь же решительно, как и с постылым сыном: взяла и «выбросила ей кусок». Она отделила ей капитал в пять тысяч и деревнюшку в тридцать душ с упалбю усадьбой, в которой изо всех окон дуло и не было ни одной живой половицы. Года через два молодые капитал прожили, и корнет неизвестно куда бе-

жал, оставив Анну Владимировну с двумя дочерьми-близнецами: Аннинькой и Любинькой. Затем и сама Анна Владимировна через три месяца скончалась, и Арина Петровна волей-неволей должна была приютить круглых сирот у себя. Что она и исполнила, поместив малюток во флигеле и поставив к ним кривую старуху Палашку.

– У Бога милостей много, – говорила она при этом, – сиротки хлеба не Бог знает что съедят, а мне на старости лет – утешение! Одну дочку Бог взял – двух дал!

И в то же время писала к сыну Порфирию Владимирычу: «Как жила твоя сестрица беспутно, так и умерла, покинув мне на шею своих двух щенков...»

Вообще, как ни циничным может показаться это замечание, но справедливость требует сознаться, что оба эти случая, по поводу которых произошло «выбрасывание кусков», не только не произвели ущерба в финансах Арины Петровны, но косвенным образом даже способствовали округлению головлевского имения, сокращая число пайщиков в нем. Ибо Арина Петровна была женщина строгих правил и, раз «выбросивши кусок», уже считала поконченными все свои обязанности относительно постылых детей. Даже при мысли о сиротах-внучках ей никогда не представлялось, что со временем придется что-нибудь уделить им. Она старалась только как можно больше выжать из маленького имения, отделенного покойной Анне Владимировне, и откладывать выжатое в опекунский совет. Причем говорила:

– Вот и для сирот денежки прикапливаю, а что они прокормлением да уходом стоят – ничего уж с них не беру! За мою хлеб-соль, видно, Бог мне заплатит!

Наконец младшие дети, Порфирий и Павел Владимирычи, находились на службе в Петербурге: первый – по гражданской части, второй – по военной. Порфирий был женат, Павел – холостой.

Порфирий Владимирыч известен был в семействе под тремя именами: Иудушки, кровопивушки и откровенного мальчика, каковые прозвища еще в детстве были ему даны Степкой-балбесом. С младенческих лет любил он приласкаться к милому другу маменьке, украдкой поцеловать ее в плечико, а иногда и слегка понаушничать. Неслышно отворит, бывало, дверь маменькиной комнаты, неслышно прокрадется в уголок, сядет и, словно очарованный, не сводит глаз с маменьки, покуда она пишет или возится со счетами. Но Арина Петровна уже и тогда с какою-то подозрительностью относилась к этим сыновним заискиваньям. И тогда этот пристально устремленный на нее взгляд казался ей загадочным, и тогда она не могла определить себе, что именно он источает из себя: яд или сыновнюю почтительность.

– И сама понять не могу, что у него за глаза такие, – рассуждала она иногда сама с собою, – взглянет – ну, словно вот петлю закидывает. Так вот и поливает ядом, так и подманивает!

И припомнились ей при этом многозначительные по-

дробности того времени, когда она еще была «тяжела» Порфишей. Жил у них тогда в доме некоторый благочестивый и прозорливый старик, которого называли Порфишей-блаженненьким и к которому она всегда обращалась, когда желала что-либо провидеть в будущем. И вот этот-то самый старец, когда она спросила его, скоро ли последуют роды и кого-то Бог даст ей, сына или дочь – ничего прямо ей не ответил, но три раза прокричал петухом и вслед за тем пробормотал:

– Петушок, петушок! востер ноготок! Петух кричит, на-седке грозит; наседка – кудах-тах-тах, да поздно будет!

И только. Но через три дня (вот оно – три раза-то прокричал!) она родила сына (вот оно – петушок-петушок!), которого и называли Порфирием, в честь старца-провидца...

Первая половина пророчества исполнилась; но что могли означать таинственные слова: «наседка – кудах-тах-тах, да поздно будет»? – вот об этом-то и задумывалась Арина Петровна, взглядывая из-под руки на Порфишу, покуда тот сидел в своем углу и смотрел на нее своим загадочным взглядом.

А Порфиша продолжал себе сидеть кротко и бесшумно, и все смотрел на нее, смотрел до того пристально, что широко раскрытые и неподвижные глаза его подергивались слезою. Он как бы провидел сомнения, шевелившиеся в душе матери, и вел себя с таким расчетом, что самая придирчивая подозрительность – и та должна была признать себя безоруж-

ною перед его кротостью. Даже рискуя надоесть матери, он постоянно вертелся у ней на глазах, словно говорил: «Смотри на меня! Я ничего не утаиваю! Я весь послушливость и преданность, и притом послушливость не токмо за страх, но и за совесть». И как ни сильно говорила в ней уверенность, что Порфишка-подлец только хвостом лебезит, а глазами все-таки петлю накидывает, но ввиду такой беззаветности и ее сердце не выдерживало. И невольно рука ее искала лучшего куска на блюде, чтоб передать его ласковому сыну, несмотря на то, что один вид этого сына поднимал в ее сердце смутную тревогу чего-то загадочного, недоброго.

Совершенную противоположность с Порфирием Владимычем представлял брат его, Павел Владимыч. Это было полнейшее олицетворение человека, лишённого каких бы то ни было поступков. Еще мальчиком, он не выказывал ни малейшей склонности ни к ученью, ни к играм, ни к общительности, но любил жить особняком, в отчуждении от людей. Забьется, бывало, в угол, надуется и начнет фантазировать. Представляется ему, что он толочна наелся, что от этого ноги сделались у него тоненькие, и он не учится. Или – что он не Павел-дворянский сын, а Давыдка-пастух, что на лбу у него выросла болонá, как и у Давыдки, что он арапником щелкает и не учится. Поглядит-поглядит, бывало, на него Арина Петровна, и так и раскипятится ее материнское сердце.

– Ты что, как мышь на крупу, надулся! – не утерпит, при-

крикнет она на него, – или уж с этих пор в тебе яд-то действует! нет того, чтобы к матери подойти: маменька, мол, приласкайте меня, душенька!

Павлуша покидал свой угол и медленными шагами, словно его в спину толкали, приближался к матери.

– Маменька, мол, – повторял он каким-то неестественным для ребенка басом, – приласкайте меня, душенька!

– Пошел с моих глаз... тихоня! ты думаешь, что забьешься в угол, так я и не понимаю? Насквозь тебя понимаю, голубчик! все твои планы-прожекты как на ладони вижу!

И Павел тем же медленным шагом отправлялся назад и забивался опять в свой угол.

Шли годы, и из Павла Владимыча постепенно образовывалась та апатичная и загадочно-угрюмая личность, из которой, в конечном результате, получается человек, лишенный поступков. Может быть, он был добр, но никому добра не сделал; может быть, был и не глуп, но во всю жизнь ни одного умного поступка не совершил. Он был гостеприимен, но никто не льстился на его гостеприимство; он охотно тратил деньги, но ни полезного, ни приятного результата от этих трат ни для кого никогда не происходило; он никого никогда не обидел, но никто этого не вменял ему в достоинство; он был честен, но не слышали, чтоб кто-нибудь сказал: как честно поступил в таком-то случае Павел Головлев! В довершение всего он нередко огрызался против матери и в то же время боялся ее, как огня. Повторяю: это был человек угрю-

мый, но за его угрюмостью скрывалось отсутствие поступков – и ничего больше.

В зрелом возрасте различие характеров обоих братьев всего резче высказалось в их отношениях к матери. Иудушка каждую неделю аккуратно слал к маменьке обширное послание, в котором пространно уведомлял ее о всех подробностях петербургской жизни и в самых изысканных выражениях уверял в бескорыстной сыновней преданности. Павел писал редко и кратко, а иногда даже загадочно, словно клещами вытаскивал из себя каждое слово. «Деньги столько-то и на такой-то срок, бесценный друг маменька, от доверенного вашего, крестьянина Ерофеева, получил, – уведомлял, например, Порфирий Владимырьч, – а за присылку оных, для употребления на мое содержание, согласно вашему, милая маменька, соизволению, приношу чувствительнейшую благодарность и с нелицемерною сыновнею преданностью целую ваши ручки. Об одном только грущу и сомнением мучусь: не слишком ли утруждаете вы драгоценное ваше здоровье непрерывными заботами об удовлетворении не только нужд, но и прихотей наших?! Не знаю, как брат, а я»... и т. д. А Павел, по тому же поводу, выражался: «Деньги столько-то на такой-то срок, дражайшая родительница, получил, и, по моему расчету, следует мне еще шесть с половиной дополучить, в чем и прошу вас меня почтеннейше извинить». Когда Арина Петровна посылала детям выговоры за мотовство (это случалось нередко, хотя серьезных пово-

дов и не было), то Порфиша всегда с смирением покорялся этим замечаниям и писал: «Знаю, милый дружок маменька, что вы несете непосильные тяготы ради нас, недостойных детей ваших; знаю, что мы очень часто своим поведением не оправдываем ваших материнских об нас попечений, и, что всего хуже, по свойственному человекам заблуждению, даже забываем о сем, в чем и приношу вам искреннее сыновнее извинение, надеясь со временем от порока сего избавиться и быть, в употреблении присылаемых вами, бесценный друг маменька, на содержание и прочие расходы денег осмотрительным». А Павел отвечал так: «Дражайшая родительница! хотя вы долгов за меня еще не платили, но выговор в названии меня мотом беспрепятственно принимаю, в чем и прошу чувствительнейше принять уверение». Даже на письмо Арины Петровны, с извещением о смерти сестрицы Анны Владимировны, оба брата отозвались различно. Порфирий Владимирыч писал: «Известие о кончине любезной сестрицы и доброй подруги детства Анны Владимировны поразило мое сердце скорбью, каковая скорбь еще более усилилась при мысли, что вам, милый друг маменька, посылается еще новый крест, в лице двух сирот-малюток. Ужели еще недостаточно, что вы, общая наша благодетельница, во всем себе отказываете и, не щадя своего здоровья, все силы к тому направляете, дабы обеспечить свое семейство не только нужным, но и излишним? Право, хоть и грешно, но иногда невольно поропщешь. И единственное, по моему

мнению, для вас, родная моя, в настоящем случае, убежище – это сколь можно чаще припоминать, что вытерпел сам Христос». Павел же писал: «Известие о кончине сестры, погибшей жертвою, получил. Впрочем, надеюсь, что всевышний успокоит ее в своих сеньях, хотя сие и неизвестно».

Перечитывала Арина Петровна эти письма сыновей и все старалась угадать, который из них ей злодеем будет. Прочтет письмо Порфирия Владимыча, и кажется, что вот он-то и есть самый злодей.

– Ишь ведь как пишет! ишь как языком-то вертит! – восклицала она, – недаром Степка-балбес Иудушкой его прозвал! Ни одного-то ведь слова верного нет! все-то он лжет! и «милый дружок маменька», и про тягости-то мои, и про крест-то мой... ничего он этого не чувствует!

Потом примется за письмо Павла Владимыча, и опять чудится, что вот он-то и есть ее будущий злодей.

– Глуп-глуп, а смотри, как исподтишка мать козыряет! «В чем и прошу чувствительнейше принять уверение...», милости просим! Вот я тебе покажу, что значит «чувствительнейше принимать уверение»! Выброшу тебе кусок, как Степке-балбесу – вот ты и узнаешь тогда, как я понимаю твои «уверения»!

И в заключение из ее материнской груди вырывался поистине трагический вопль:

– И для кого я всю эту прорву коплю! для кого я припадаю! ночей недосыпаю, куска недоедаю... для кого?!

Таково было семейное положение Головлевых в ту минуту, когда бурмистр Антон Васильев доложил Арине Петровне о промотании Степкой-балбесом «выброшенного куска», который, ввиду дешевой его продажи, получал уже сугубое значение «родительского благословения».

* * *

Арина Петровна сидела в спальней и не могла прийти к себе. Что-то такое шевелилось у нее внутри, в чем она не могла отдать себе ясного отчета. Участвовала ли тут как-ким-то чудом явившаяся жалость к постылому, но все-таки сыну или говорило одно нагое чувство оскорбленного самовластия – этого не мог бы определить самый опытный психолог: до такой степени перепутывались и быстро сменялись в ней все чувства и ощущения. Наконец из общей массы накопившихся представлений яснее других выделилось опасение, что «постылый» опять сядет ей на шею.

«Анютка щенков своих навязала, да вот еще балбес...» – рассчитывала она мысленно.

Долго просидела она таким образом, не молвив ни слова и смотря в окно в одну точку. Принесли обед, до которого она почти не коснулась; пришли сказать: барину водки пожалуйте! – она, не глядя, швырнула ключ от кладовой. После обеда она ушла в образную, велела засветить все лампадки и затворилась, предварительно заказав истопить баню. Все

это были признаки, которые несомненно доказывали, что барыня «гневаается», и потому в доме все вдруг смолкло, словно умерло. Горничные ходили на цыпочках; ключница Акулина совалась, как помешанная: назначено было после обеда варенье варить, и вот пришло время, ягоды вычищены, готовы, а от барыни ни приказы, ни отказы нет; садовник Матвей пришел было с вопросом, не пора ли персики обирать, но в девичьей так на него цыкнули, что он немедленно отретировался.

Помолившись Богу и вымывшись в баньке, Арина Петровна почувствовала себя несколько умиротворенною и вновь потребовала Антона Васильева к ответу.

– Ну, а что же балбес делает? – спросила она.

– Москва велика – и в год ее всю не исходить!

– Да ведь, чай, пить, есть надо?

– Около своих мужичков прокармливаются. У кого пообедуют, у кого на табак гривенничек выпросят.

– А кто позволил давать?

– Помилуйте, сударыня! Мужички разве обижаются! Чужим неимущим подают, а уж своим господам отказать!

– Вот я им ужо... подавальщикам! Сошлю балбеса к тебе в вотчину, и содержите его всем обществом на свой счет!

– Вся ваша власть, сударыня.

– Что? что ты такое сказал?

– Вся, мол, ваша власть, сударыня. Прикажете, так и прокормим!

– То-то... прокормим! ты у меня говори, да не заговаривайся!

Молчание. Но Антон Васильев недаром получил от барыни прозвище переметной сумы. Он не вытерпливает и вновь начинает топтаться на месте, сгорая желанием нечто доложить.

– Да еще какой прокурат! – наконец произносит он, – сказывают, как из похода-то воротился, сто рублей денег с собой принес. Не велики деньги сто рублей, а и на них бы сколько-нибудь прожить можно...

– Ну?

– Поправиться, вишь, полагал, в аферу пустился...

– Говори, не мни!

– В немецкое, чу, собрание свез. Думал дурака найти в карты обыграть, ан, заместо того, сам на умного попался. Он было и наутек, да в прихожей, сказывают, задержали. Что было денег – все обрала!

– Чай, и бокам досталось?

– Было всего. На другой день приходит к Ивану Михайлычу, да сам же и рассказывает. И даже удивительно это: смеется... веселый! словно бы его по головке погладили!

– Ништо ему! лишь бы ко мне на глаза не показывался!

– А надо полагать, что так будет.

– Что ты! да я его на порог к себе не пущу!

– Не иначе, что так будет! – повторяет Антон Васильев, – и Иван Михайлыч сказывал, что он проговаривался: шабаш!

говорит, пойду к старухе хлеб всухомятку есть! Да ему, сударыня, коли по правде сказать, и деваться-то, кроме здешнего места, некуда. По своим мужичкам долго в Москве не находится. Одежа тоже нужна, покой...

Вот этого-то именно и боялась Арина Петровна, это-то именно и составляло суть того неясного представления, которое бессознательно тревожило ее. «Да, он явится, ему некуда больше идти – этого не миновать! Он будет здесь, вечно у нее на глазах, клятой, постылый, забытый! Для чего же она выбросила ему в то время “кусочек”? Она думала, что, получивши “что следует”, он канул в вечность – ан он возрождается! Он придет, будет требовать, будет всем мозолить глаза своим нищенским видом. И надо будет удовлетворять его требованиям, потому что он человек наглый, готовый на всякое буйство. “Его” не спрячешь под замок; “он” способен и при чужих явиться в отребье, способен произвести дебош, бежать к соседям и рассказать им вся сокровенная головлевских дел. Сослать его разве в Суздаль-монастырь? – Но кто ж его знает, полно, если ли еще этот Суздаль-монастырь, и в самом ли деле он для того существует, чтоб освобождать огорченных родителей от лицемерия строптивых детей? Сказывают еще, что смирительный дом есть... да ведь смирительный дом – ну, как ты его туда, экого сорокалетнего жеребца, приведешь?» Одним словом, Арина Петровна совсем растерялась при одной мысли о тех невзгодах, которые грозят взбудоражить ее мирное существование

с приходом Степки-балбеса.

– Я его к тебе в вотчину пришлю! корми на свой счет! – пригрозила она бурмистру, – не на вотчинный счет, а на собственный свой!

– За что так, сударыня?

– А за то, что не каркай. Кра! кра! «не иначе, что так будет»... пошел с моих глаз долой... ворона!

Антон Васильев повернул было налево кругом, но Арина Петровна вновь остановила его.

– Стой! погоди! так это верно, что он в Головлево лыжни наострил? – спросила она.

– Стану ли я, сударыня, лгать! Верно говорил: к старухе пойду хлеб всухомятку есть!

– Вот я ему покажу ужо, какой для него у старухи хлеб припасен!

– Да что, сударыня, недолго он у вас наживет!

– А что такое?

– Да, кашляет очень сильно... за левую грудь все хватается... Не заживется!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.